

ЛАРИСА
СОБОЛЕВА

ЛАРИСА
СОБОЛЕВА
ОН И ОНА МИНУС ОН И ОНА

Издательство АСТ
Москва

Часть первая

ОДИН КАПКАН НА ДВОИХ

Последний аккорд гитары дрожал еще какое-то время в воздухе, умирая, и... умер. Живой осталась тишина, она и вносила нелепую, странноватую неловкость, словно четырех человек за столом объединила общая вина. Во время паузы сумерки заполнили комнату, они будто вошли бесшумно через открытую балконную дверь, посмотрели на унылые лица и потускнели, а потом и почернели.

М-да, необычные впечатления возникли после средневековой баллады с трагическим концом, которую исполнил Платон. Он не профессиональный певец, петь и сочинять музыку на старинные стихи его хобби. Кого-то природа бессовестно жалует внешнестью, талантом (и не одним), умом, умением нравиться и везением, кажется, что недостатков на долю счастливых просто не хватило. А для некоторых в кармане у природы достоинства оказались в дефиците, что ж, как говорится, каждому своя шоколадка. Платону отсыпано с лихвой всего того, что вызывает зависть у обделенных людей, но ему повезло и этот булыжник обойти, завистников он не встретил, или не подозревает об их существовании.

— Друзья мои, вы не заметили? Темновато стало, — произнес он, потянувшись за бокалом вина. — Таня, включи свет, а то мы уже не видим друг друга.

Жена Татьяна старше Платона на пять лет, но кто решится дать ей законные тридцать семь? Безусловно, на девочку она не тянет, но и дамой при ее худобе, высоком росте и славненьком личике простушки совсем не смотрится. Прежде чем подняться, Татьяна поставила жесткое условие:

— Спой еще, тогда зажгу свечи. Для атмосферы зажгу.

— Правда, спой, м? — робко попросила Камилла.

— Зажигай свечи, — махнул рукой Платон, обратившись к жене.

Как правило, он споев пару песен и ни за какие коврижки не соглашается продолжить застольное выступление, мол, топайте на концерты звезд, там требуйте исполнение на бис, а я не хуже вас и тоже хочу пить-есть. Он упрямый, а кто не упрям? Даже рохли иногда упрямятся из вредности.

Татьяна принесла два подсвечника, оба на три свечи, в предвкушении закусив нижнюю губу, она подносила к фитилькам огонек зажигалки, адски плясавший в ее зрачках. И вот, когда замерцали свечи, распространился запах стеарина, а гостиную заполнили звуки гитары, Платон начал едва слышно свою балладу о верности и предательстве... потом вторую... О, даже третью соизволил спеть без уговоров, но как!

Он пел никому и в то же время всем, возможно, всему земному шару, жаль, что из всего человечества слышали его только трое. Платону снова удалось погрузить друзей в печальные истории любви и смерти, хотя что в них такого, способного ущипнуть душу? Истории мелодраматичны, куплеты примитивны,

мотивы стилизованы под средневековый и далеки от современных ритмов.

— Здорово поешь, — похвалил Константин, муж Камиллы, когда закончилась третья баллада. — Тебе бы на сцену.

— Разве я пою? Это всего лишь рассказы под гитару о наивных надеждах и их крушениях, — поскромничал Платон. — Да и певческим голосом не обладаю, к тому же плохо знаю нотную грамоту, я полный дилетант.

— Он уникам, но не хочет в этом признаваться, — иронично заключила Татьяна. — Чай, кофе? По всем признакам Платон петь больше не будет.

— Не-не-не, — поднял ладони Константин. — У меня был сегодня трудный день, завтра ожидаются новые-старые сложности. Мы пойдем. Камилла!

— Да, нам пора, — с неохотой поднялась с места его жена и вздрогнула от звука разбитой посуды. — Ой, простите!

Задетая пальцами Камиллы тарелка упала на пол и, конечно же, звонко разбилась. Тарелочка крутая, как и все в этом доме, но Татьяна поспешила успокоить гостью великодушной шуткой:

— Ничего страшного, я открою секрет: посуда бьется и очень часто.

Разбить такую тарелищу стоимостью с хороший сервиз... от смущения на щеках Камиллы проявился матовый румянец, с несвойственной ей спешкой она протараторила, сглаживая неловкость:

— Таня, вечер был прекрасный, еще раз прошу прощения за разбитую тарелку. Платон, спасибо за твои баллады, обожаю слушать, как ты поешь.

— Всегда рад доставить удовольствие, — улыбнулся он в ответ.

Платон поднялся, поискав безопасное место для гитары, прислонил ее к боковине кресла, после двинул в прихожую проводить гостей. Константин попросил Татьяну одолжить теплую кофту или шаль для Камиллы, так как значительно похолодало, а та поручила мужу:

— Будь добр, принеси мохеровую кофту... э... синюю. Правда, похолодало, август в этом году какой-то неприятно холодный.

— После Ильи второго августа лето поворачивает на осень, а дни становятся холоднее, так говорила моя бабушка, — со знанием дела сказал Константин.

— Суеверия, — нервно рассмеялась Татьяна.

Больше ничего Платон не услышал, кстати, он не любит разговоры у порога, потому что не проходит ощущение, будто гости не хотят уходить, а хозяйева не хотят, чтобы они остались. Из гардеробной он принес кофту, помог надеть Камилле, она повернулась к нему лицом и слегка кивнула в знак благодарности.

Камилла... Она вне возраста, может показаться юной и неискушенной девой, не знающей жизни, но ждущей романтического звездопада на свою глупенькую головку, а кто-то увидит в ней уставшую и умудренную опытом хищницу. Камилла ни то и не другое. Без сомнения, от брюнеток веет таинственностью, а то и фатальностью, они сами по себе привлекают яркостью, особенно контрастные — белая кожа, смоляные волосы, бледно-голубые глаза и девственно-красные губы. Поэтому стоит Камилле чуть загрустить или рассердиться, и окружающие видят в ней свое собственное представление, ничего не имеющее общего с оригиналом. Одно бесспорно: она притягивает глаз,

об этом думал Платон, но жена отвлекла от гостьи, неожиданно ойкнув и заставив всех вздрогнуть:

— Ой, я сейчас, подождите секундочку... Не уходите!

Гости и муж не успели сделать вдох-выдох, а Татьяна примчалась, протянула коробку конфет Камилле:

— Вот, возьми. Это для Ванечки.

— Как-то неудобно, нет... — начала было отказываться гостья.

— Бери, бери, ты же тоже любишь конфеты. Мне предложили по цене закупок, я от жадности взяла десять коробок, теперь всем раздаю свою жадность.

Татьяна рассмеялась, заставив улыбнуться и Константина с Камиллой, которые, взяв коробку, наконец ушли. После ухода гостей стало тихо, но это не та тишина, возникавшая стихийно после песен Платона и заставлявшая с опаской заглянуть внутрь себя, а пронизанная дремучей скукой. Платон завалился на диван и включил телик, Татьяна неторопливо собирала посуду со стола, беспорядочно ставя на поднос приборы. Она бросала в мужа косые взгляды, строгие и недовольные, наконец, дошла до стула Камиллы, присела и, поднимая осколки тарелки, небрежным тоном, заметила:

— Какая же она неловкая, неуклюжая... — Платон не отреагировал. — И все время молчит, из нее клещами слова не вытащишь. Так поступают люди, понимающие, что они глупые...

— Или очень умные.

— Ты всегда ее защищаешь!

— Если тебе неприятны Пешковы, зачем их приглашаешь?

— Как будто не знаешь! — раздраженно бросила Татьяна, поднимаясь с осколками в руках. — Костя мне необходим. На меня цифры навевают тоску, я так и не разобралась в них толком, боюсь, однажды он откажет мне в помощи... В общем, приходится терпеть и его тень, но ты так плотоядно смотрел на Каму...

— Плотоядно? Я не людоед, девушками не питаюсь, — проворчал в ответ он, переключая каналы и даже не взглянув на жену.

— Положим, она не девушка, но вполне сойдет за нее. Иногда. Когда у нее настроение поиграть в юную особь. Сколько ей? Двадцать восемь — двадцать девять? А выглядит на все тридцать пять.

Тридцать пять Камилле? Ха! И еще раз сто — ха! Жена выдает желаемое за действительное, но нет, Платон не это сказал на совершенно спокойной ноте:

— Ты забыла? Они наши друзья, сама только что сказала, как дорожишь Костей, который часто выручает тебя.

— Верно, выручает... — задумчиво произнесла она, словно ей стало стыдно за сказанное ранее. Татьяна отнесла на кухню посуду и вернулась с пустым подносом. — Хм, Костя и Камилла... странноватый альянс, когда они рядом, смотришь на них и недоумеваешь: почему эти двое вместе.

— Неужто Кама не достойна Кости? — насмешливо спросил он.

— Пожалуй, наоборот...

Интересный поворотик — к чему бы это? Но Татьяна права: Костя не впечатляет, он ниже Камиллы, щуплый, с непропорционально длинными руками, немного вытянутой головой. Тонкие черты его лица далеки от идеала, а самое интересное, какой костюм

на него ни надень, хоть от известного кутюрье, будет смотреться повисшей тряпкой. И рядом его полная противоположность. Пожалуй, всех знакомых удивляла молчаливая жена Кости, которая к ухаживаниям относилась, как к пустоте перед ее очами, а ведь за Камиллой ухлестывали мужчины разных возрастных категорий, в ней таится некий магнетизм. Однако, в порочных связях замечена не была, но в эту карамель не верилось большинству, ее подозревали во всех смертных грехах, ни разу не поймав хотя бы на одном.

— Странно, разница бросается в глаза, — между тем продолжая убирать со стола, бубнила под нос Татьяна, но понятно же: бубнеж для любимого мужа предназначен. — Я бы сказала, смелое несоответствие, вызывающее. Но если хочешь внимания окружающих, то...

— Считаешь, Костю заботят окружающие?

— А я не о нем. Я о его амебе с рыбьими глазами и твоих вороватых взглядах на нее. Мне порой неловко становилось. Да, да, да, я ощущала себя лишней... и Константина... лишним. Думаю, он тоже заметил твой людоедский взгляд на его холодную рыбу.

— К уборщице бабе Гале еще не ревнуешь? — ни на йоту не повысил он тона. — А пора бы. Вчера я отвез ее домой и даже сумки доставил до лифта.

В ответ — бах!.. Ой, как достали Платона резкие перепады. Татьяна ударила пол тарелкой — в чем он виноват? Пол не пострадал, он же паркетный, а бедная тарелка вдребезги. Вторая по счету. Короче, начался очередной перформанс, как заведено — внезапно, однако с театральным размахом.

Самое интересное, Платон даже не вздрогнул, он ко всем внезапностям жены научился относиться наплевательски, правда, только внешне. Итак, в перспективе

ссора и пару дней тягостного молчания, пока Платон, видя реальные страдания жены, будто ее корежит физическая боль, не сжалится. И только из жалости станет мириться, извиняться, заверять в вечной любви до гробовой доски и даже в самом аду, куда они непременно попадут оба. Впрочем, вся эта кутерьма с патологической ревностью и есть ад.

У Татьяны комплекс: она бездетная, старше мужа, на которого вешаются все бабы от пятнадцати до восьмидесяти (по ее версии), а он... ну, это совсем неинтересно, потому что банально до тошноты. Это болезнь, но врач тут не поможет. Зная сценарий до последнего слова, Платон встал с дивана и отправился наверх в спальню, Татьяна подскочила к лестнице, ей же надо выговориться:

— Я попала в точку, поэтому бежишь?

— Заведи другую песню, — вяло бросил Платон. — Эта утомила меня.

Она умеет себя накручивать, конечно, ежедневных истерик не закатывает, разве что вазу или тарелку грохнет об пол в миг нахлынувшей агрессивности, ну, зеркало разобьет. А потом надолго впадает в депрессивный транс и страдает... страдает... страдает! Как будто страдания — ее предназначение, которое приносит почти сексуальное удовлетворение.

Далеко не пришлось идти, их дом рядом.

Квартира небольшая, хотя и трехкомнатная, но удобная. Камилле не нравился этот район, переезжать сюда из однокомнатной хрущобы она отказывалась, Константин настоял — пожалуй, впервые за их со-

вместную жизнь он проявил настойчивость. Ведь здесь полезные знакомства сами ходят, на одной площадке живут — стоит только заговорить и намекнуть в том же лифте, мол, я аудитор, таких асов днем с огнем не сыщешь! А школа для сына? Престижная, значит — лучшая, что весьма спорно с точки зрения Камиллы.

Попав в прихожую, она сбросила туфли, не удосужившись их поставить в шкаф, сунула ноги в тапочки и поплелась, зевая да потягиваясь, в комнаты. Константин поставил ее туфли на высоком каблучке в шкафчик для обуви, но прежде прошелся по ним мягкой щеткой, сбивая пыль.

Когда он вошел в спальню, Камилла, переступала через платье, валявшееся в ногах, одновременно она надевала ночную сорочку, затем плашмя упала на кровать. Он и платье поднял с пола, повесил его в шкаф, Константин любит порядок, впрочем, жена вовсе не неряха, но иногда на нее находит пофигизм, тогда он предпочитает вместо нотаций управляться сам. Зачем претензиями и указаниями осложнять мир в доме, если нетрудно самому что-то сделать? Раздеваясь, Константин поинтересовался:

— И в душ не пойдешь? Будешь спать с косметикой на лице?

— Буду, — буркнула она. — Я после вечеров у Лукьяновых никакая, у них там энергетика тяжелая, отнимает силы. Не пойму — почему так?

— Да? Не заметил. Ваньку пора домой вернуть...

— О чем ты! На даче у него собака, друзья, с которыми он бегаёт с утра до вечера, они дерутся и мирятся, читают, играют, там он ест свежие фрукты и овощи. А что здесь? Четыре стены и двор, где детей почти не бывает. А если и бывают, то под присмотром мамаш

или нянек. Даже не подрасться мальчишкам. Хочу, чтобы мой сын вырос мужиком, а не слабаком из-под маминой юбки.

— Ему скоро в школу, пора готовиться.

— Для школы все куплено. Прости, я сплю.

Он чмокнул ее в плечо и отправился в душ. Константин привык к перепадам настроения жены, он прощал ей все, потому что не было ни одного движения, ни одного взгляда, улыбки, слова, которые ему не нравились бы. Сам невзрачный Константин считал Камиллу украшением своей жизни, а потому находил ее забавной, даже когда она злилась, ругалась или капризничала, что не являлось редкостью. Он тихонько напевал в ванной, потому что был доволен и работой, и сегодняшним вечером, и перспективами.

В то же время Камилла, лежа на боку, смотрела прямо перед собой, но видела не кресло у стены рядом с туалетным столиком — всего этого не было для нее. Она улыбнулась и закрыла глаза...

...а когда открыла, увидела близко-близко его профиль.

И снова улыбнулась. Так и живет Камилла: от «закрыла глаза» до «открыла их». После вечера у Лукьяновых прошел всего день — длинный, тягучий, неинтересный, он тянулся... тянулся... Наконец встретились, свидание пронеслось слишком быстро, чтобы сказать: пора по своим норам.

Камилла приподнялась, опираясь локтями о подушку, она изучала лицо Платона, запоминая черты, хотя могла наощупь опознать его. Между «закрыла-открыла» иногда проходит много времени, а в том проме-

жутке пустота, жизни как таковой нет, есть привычка к автоматизму. Не хотелось ей возвращаться в пустоту. Платон лежал на спине, как величественный фараон, кажется, уснул, но вдруг, не открывая глаз, спросил:

— Что смотришь? Не решаешься сказать, что хочешь уйти?

— Твоя Танька устроит тебе разнос, если удержишься.

— Уже задержался и что? Она не разговаривает со мной, ну, не будет разговаривать еще пару дней, мне уже все равно.

— А причина? Почему не разговаривает?

— Я на тебя смотрел плотоядно и согласился петь, когда именно ты меня попросила. А еще спел целых три песни сверх нормы... Но самое смешное — это не фантазия ревнивой жены, а чистейшая правда.

— Обещаю, больше не буду просить.

Внезапно он сел к ней спиной, спустив с кровати ноги, а заговорил с твердостью, какой она не слышала раньше:

— Глупости все это — посмотрел не так, сказал не так и не то, любишь не так... Я вообще не люблю ее, сегодня наконец скажу... думаю, она об этом знает. Но скажу и уйду. Собственно, уже ушел, вещи перевез сюда, наверняка она заметила, но молчит. И я молчу. Утром не стал говорить о своем решении — лишь бы не портить ей рабочий день, она же невменяемой будет, на всех кидаться начнет. За ночь как-нибудь переживет и свыкнется с мыслью, что настал конец.

И Камилла подхватила, прижалась к его спине щекой, проговорив: